

Глава I

ПРЕДМЕТ ЭТИКИ ПРАВА

§1. Основные понятия

В отечественной науке об этике и праве сложилось две области знания, на протяжении последних 70 лет почти не пересекающиеся между собой. В этике имеется своя литература, в правоведении — своя. Стало уже банальностью говорить о том, что все так называемые “общественные науки” были замешаны на классовом принципе, раскалывающем любую форму мировоззрения (этическую, правовую, эстетическую, педагогическую и т.п.) на два враждебных полюса и тем самым подменяющих проблемы человека проблемами соперничающих классовых интересов. Человек исчезал, оставались абстрактные понятия, отражающие абстрактные, внечеловеческие, искусственно созданные феномены типа коллективистской морали, общенародного государства, всесторонне развитой личности. Поэтому, несмотря на автономность отдельных отраслей знания, все они были очень похожи.

Сегодня в нашем обществе возрождается интерес к человеку. “Загадка человека” становится одной из главных тем такого направления исследования как социальная антропология. И этика, и право становятся дисциплинами человековедческими. Человек — вот что их объединяет. На этом фоне естественным образом возникают новые направления научного анализа (или хорошо забытые старые), такие, как философия права, или связанные с разработкой практического права (такие направления, как частное право, региональное право и т.п.).

Обращение к философии права — это попытка увидеть место права в жизни современного человека. Вот несколько дефиниций философии права. Это “наука о познавательных, ценностных и социальных основах права” (Ершов Ю.Г.)¹; “учение о смысле права, то есть о том, в результате каких универсальных причин и ради каких универсальных целей человек устанавливает право” (Тихонравов Ю.В.)²; “наука о праве в жиз-

¹ Ершов Ю.Г. Философия права. Екатеринбург, 1995. С. 9.

² Тихонравов Ю.В. Основы философии права. М.: Вестник, 1997. С. 46.

ни людей, в человеческом бытии” (Алексеев С.С.)¹.

В этих работах не обходится тема соотношения морали и права, подчеркивается их родство, общность корней.

Постановка проблемы этики права не нова. Истоки ее — в философии Древней Греции. Как показал Лосев А.Ф. при исследовании древнегреческого слова “калогатия” — “прекрасно-доброе” — понятия “доброе”, “прекрасного”, “правильного” (истинного) еще не разделены, слиты в едином словоупотреблении. Работы Платона “Государство”, Аристотеля “Политика” являются своеобразными пособиями по практической философии, в которых в слитном виде предстают их взгляды на государство, справедливость и добродетели.

Этика права — это в определенной мере есть и философия права. В то же время этика права имеет свои особенности. Философия претендует на объективный обзор различных школ и направлений, на некий взгляд со стороны, охватывающий всю совокупность правовых теорий и их мировоззренческих оснований. Этика права выбирает лишь один аспект. Он состоит, во-первых, не в рассмотрении права, а в рассмотрении человека в праве, во-вторых, в анализе ценностного отношения человека к праву. Это отношение предполагает такую оценку человеком правовых реалий, которая всегда индивидуально избирательна и внутренне свободна, оценку, которая носит нравственный характер и связана с представлением человека о свободе, справедливости, добре и зле, о долге перед другими и перед собой.

Из двух позиций в понимании права — объектоцентристской и субъектоцентристской — этика принципиально выбирает вторую. То есть субъектоцентризм этики права исключает другие подходы; интересы субъекта здесь — главное (некоторым аналогом такой постановки проблемы является назначение или роль адвоката в судебном процессе: адвокат принципиально на стороне подсудимого).

Субъект в этике права выступает не только в качестве носителя своих интересов. Он является и творцом права, он наделяет право конкретным содержанием, он его толкует, он его проводник, он может его осуществить, изменить или дезавуировать.

¹ Алексеев С.С. Философия права. М.: Норма, 1997. С. 2.

Объектоцентристский же подход понимает человека в качестве зависимой переменной, определяемой условиями жизни, возможностями, заложенными в праве. Человек в этой парадигме по-прежнему объект воздействий извне, которому “дают” свободу действий, права или “не дают”.

Прежде, чем дать определение предмета этики права, приведем определения предмета этики и предмета права.

Поскольку этика изучает мораль, поставим вопрос так: что есть мораль? Ответ на этот вопрос будет различен в зависимости от того, какую позицию занимает исследователь — объектоцентристскую или субъектоцентристскую.

Объектоцентристское мировоззрение рассматривает человека как результат естественно-исторического процесса. В соответствии с этой точкой зрения развитие человека определяется условиями (экономическими, политическими, техническими). Высшей фазой такого развития является разум человека, на который общество возлагает большие надежды.

С позиций такого мировоззрения, мораль есть совокупность норм, правил, способов развития человека, совершенствования своих способностей, рост знаний и достижение, благодаря этому, счастья. Преодоление препятствий на этом пути, оказание помощи другим — моральный долг.

При таком подходе трудно объяснить многое. В эту схему не вписывается человек нестандартный. С этих позиций невозможно понять: почему история нередко дегуманизирует человека, почему человек плохо адаптируется к наличным социальным условиям, почему он не терпит нивелировки и бесконфликтного счастья и многое другое.

Субъектоцентристское мировоззрение воспринимает человека иначе. В этой парадигме — человек содержит в себе все тайны бытия. Нельзя познать человека только рациональными методами. Он есть микрокосм, его мир не имеет четких очертаний. История есть “авантюра” саморазвития человека, сама объективная реальность есть результат развертывания внутренних сущностных сил человека.

Субъектоцентристский взгляд на человека во многом “спровоцирован” открытиями антропологии (работы Э.Кассирера, М. Шелера, Э.Фромма). В рамках этого подхода мораль пони-

мается как система ценностей человека, как выражение его свободы, которые питаются такими формами бытия, как чувство, интуиция, вера, страсти, трансрациональные и сверхчувственные проявления.

Обращаясь к предмету права, необходимо иметь в виду, что в литературе о праве имеются, как минимум, два его понимания: в широком и в узком смысле слова. В широком смысле слова право охватывает такие проявления, как обычай (обычное право), религию (каноническое право), естественное право, позитивное право, живое право и другие проявления регулятивных механизмов в социуме. В узком смысле право понимается как совокупность норм и законов, освящаемых государством. Иными словами, фактически сложилось две традиции в определении права.

Первая традиция — естественно-правовая — несет в себе присущую еще античному космизму мысль о единстве, тождестве справедливости и права. Она утверждает, что естественное, божественное и космическое предназначение права — быть справедливым. “Право, отклоняющееся от своего высшего предназначения, ничтожно; несправедливый закон не есть право, и его следует отвергнуть во имя торжества естественно-правовых постулатов справедливости. Такому закону люди могут не повиноваться, восставая против насаждаемых им порядков”, — так утверждала естественно-правовая традиция¹.

Вторая традиция — юридико-позитивная — характеризуется обратным соотношением: практическое, эмпирическое в праве вытесняет духовное начало, либо придает ему второстепенную, сугубо подчиненную роль. На первый план выходят представления о праве как институте, имеющем соответствующие структурные и функциональные характеристики в различных правовых системах. Этот позитивизм, как подчеркивается в указанном источнике², явился своеобразным откликом на техницизм XIX века.

На наш взгляд, первая традиция понимания права ближе к субъектоцентристской мировоззренческой позиции, в то время как вторая тяготеет к объектоцентристской. В первом случае из трех форм самореализации человека в праве (цен-

¹ Теория права и государства / Ред. Г.Н.Манов. М.: БЕК, 1996. С. 33.

² Там же. С. 34.

ности, нормы, знания) первое место отводится ценностям, второе — нормам, третье — знаниям. Во втором случае, соответствующем объектоцентристской точке зрения на человека в праве, первое место отводится нормам, второе — знаниям и только третье — ценностям.

Если в первом варианте трактовки диады “человек-право” право возвращается к морали, стремится к ней, то во втором варианте право уходит от морали, освобождается от нее, идя по направлению к искусственному человеку, которому мораль не нужна, а в праве ему достаточно “буквы закона” “правила”, технологической инструкции.

Подходя к определению этики права, мы пытаемся определить ту сферу, которая объединяет мораль и право.

Предмет этики права — *моральное содержание права*:

- его онтология,
- основные ценности,
- нормы,
- а также практика реализации этого содержания в различных правовых системах (или условиях).

§ 2. Мораль и право в их взаимосвязи

Один из наших отечественных философов А.А.Гусейнов так определяет особенности морали:

а) она характеризует способность человека жить сообща и представляет собой форму отношений между людьми;

б) она не подчинена закону причинности и принципу полезности;

в) моральный закон не допускает разведение субъекта и объекта действия, то есть прокламировать мораль и практиковать ее самому — это один неразрывный процесс;

г) мораль — это тяжелый груз, который человек добровольно взваливает на себя. Мораль — это такая игра, в которой человек ставит на кон самого себя. Сократ был принужден выпить яд, Иисус Христос был распят, Джордано Бруно был сожжен, Ганди был убит. Таковы ставки в этой игре¹.

Как видим, с правом как феноменом культуры здесь много общего. Отличие в том, что моральный закон исполняется

¹ Гусейнов А.А. Великие моралисты. М.: Республика, 1995. С. 16.

добровольно, человек сам прилагает его к себе. Закон правовой, юридический — принудителен, обязателен даже при условии его неприятия человеком, независимо от отношения отдельных людей к нему.

Как возникло это расхождение? Разве законы общественной жизни, запечатленные в моральных максимах и в юридических кодексах, не одни и те же? Разве право, в его многочисленных отраслях, преследует не те же цели, что и мораль? Может ли быть право без морали, вне ее? И если есть право, не является ли мораль излишней?

По-видимому, подобные вопросы особенно остро звучат тогда, когда мы сталкиваемся с ситуацией конфликта между моралью и правом, пытаемся оценить закон (например, о пенсиях, о бюджете, о службе в армии, о налогах и т.д.) с точки зрения его нравственного оправдания или неоправдания. В подобных ситуациях человеку свойственно, порой, относиться к закону как к слепой, враждебной силе, от которой нужно уйти. Выход одни видят в том, чтобы обратиться к морали здравого смысла, другие видят для себя выход в религии, уединении, мистике, третьи — в состоянии полной утраты нравственных ориентиров уходят в преступность, сознательно ставя “крест на собственной жизни”.

Законы могут быть жестоки, аморальны, бездушны по отношению к отдельным категориям людей. Почему?

Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем проанализировать мораль и право в их взаимовлиянии, то есть сначала посмотреть как *право* отражается на представлении о нравственных ценностях и моральных нормах, а затем — как *мораль* воздействует на право.

ПРАВО В КОНТИНУУМЕ МОРАЛИ

Мораль рождается на определенном этапе человеческого общества или развития человеческого индивидуума, то есть в филогенезе и онтогенезе. Ей предшествуют две ступени становления человеческого “Я”:

а) *Ступень культа*, означающего единство человека с миром, неотделенность его от мира и от других людей, единство мироощущения с другими, проявляющееся в феномене “МЫ”;

здесь происходит общинная самореализация человека на основе табу, ритуалов, обычаев;

б) *Ступень культуры*, отбора культурных форм в условиях разнообразия человеческой деятельности и человеческих индивидуальностей; здесь формируются естественные нормы человеческих взаимоотношений, которые мы называем нравственностью (от слов: нрав, обычай); формируются основные нравственные ценности: свобода, добро, зло, справедливость; эти нормы ограничивают изначальную свободу человека, понимаемую как внутреннюю свободу духа, во имя расширения внешних пределов проявления себя. На определенных этапах культурной самореализации наступает своеобразный баланс, равновесие внутреннего-внешнего. Здесь наблюдаются взлеты человеческих открытий в искусстве, научной мысли, яркие человеческие индивидуальности.

Заканчивается эта ступень становлением цивилизации.

в) На этой, третьей *ступени социума* ценности добра, зла, свободы трансформируются в социальное понятие долга, социализируются в конкретном обществе и становятся уже социальными и правовыми нормами. При этом их нравственное начало элиминируется, постепенно отмирая. Если на предыдущей ступени (б) мы могли говорить об *этике гуманистической* (от слова *humanité* — фр. — человеколюбие), то на данной — мы говорим уже об *этике социальной*. Ее отличие в том, что она подчинена не интересам отдельного, частного человека, а интересам социума. Человек в этой этике выступает в качестве объекта воздействия на него со стороны общества, или иного социума (части общества или какого-либо социального института).

Социальная этика напрямую соотносится с правом, порождает право, так же как право инициирует социально-этические нормы.

Социальная этика обращена прежде всего к внешней стороне поведения человека, его этикетному имиджу. Она прямо предполагает разрыв внутреннего и внешнего в человеке, чем лишает его свободы почти совсем. В связи с этим внутренний конфликт между индивидуальными сентенциями и внешним давлением на человека настолько нарастает, что это начинает

проявляться в конфликтах, включая военные, в парастании агрессивности, в росте суицидальных явлений и психических заболеваний и т.п. Внутренний конфликт такого типа хорошо показали в своих произведениях французский писатель А. Камю и немецкий Ф. Дюрренматт¹.

Парадокс состоит в том, что эти массовидные социальные явления стимулируют развитие права, нагружая и детализируя его множеством возможных жизненных ситуаций.

г) *Степень нормы как знания* означает, что теперь достаточно знать “условия игры” и выполнять их. Здесь полностью исчезает даже моральный аспект нормы. Правовая норма его перекрывает. Сама же правовая норма становится правилом, технологическим условием поведения. Правило предполагает, наряду с правовыми инструкциями, такие внешние кодексы поведения, как профессиональная этика для различных категорий работников. То есть, здесь уже правило этикета адресуется не к человеку (с его изначальной свободой), а к его роли, к его маске, соответствующей его профессиональной функции. Здесь мораль умирает, уступая место *инструментальной этике*.

Таким образом, право в его современном понимании возникает довольно поздно, в условиях зарождения цивилизации (в Риме). Оно появляется тогда, когда человек естественный становится личностью в системе усложняющихся внешних социальных взаимодействий. При этом его человеческое-индивидуальное начало все более уходит в тень, в мир интимных, дружеских отношений, собственного творчества, где и востребуется еще нравственная норма, в широком смысле слова — и не норма, а ценность. Право же завоевывает позиции, вытесняя все другие регулятивные механизмы, становясь юридическим законом, возвышающимся над всем: обычаем, религией, искусством, культурой, моралью. Так называемый юридический социологизм скрупулезно “учитывает” и то, что можно почерпнуть из открытий социальной психологии, антропологии, биологии человека, из технических изобретений, демонстрируя современную всеядность, всепроницаемость права, закона.

¹ Камю А. Посторонний: Повесть // Избр. произведения. М., 1993. Дюрренматт Ф. Правосудие: Роман (Мастера современной прозы). М., 1990.

МОРАЛЬ В КОНТИНУУМЕ ПРАВА

Источники у морали и права одни. Это обычай, табу, мифы, религия. Обычай и являют собой обычное право. Однако с того момента, когда внешняя сторона жизнедеятельности человека отделилась от его внутреннего духовного мира, началось соперничество двух типов норм: морали и права. Право ведает внешней стороной, поведением (от слова “управлять”), мораль — внутренней. Несмотря на противоборство между ними, правовая норма живет только благодаря ее моральному, нравственному содержанию. Как только это содержание исчезнет, правовая норма перестанет существовать де-факто. Именно этим объясняется множество “пустых” законов. Поэтому, как это ни парадоксально, право заинтересовано в сохранении морального климата, нравственных ценностей, которые его питают.

Конфликт правового и нравственного обостряется в эпохи тоталитарного насилия над человеком, в эпохи, когда интересы государства входят в вопиющее противоречие с естественными ценностями человека. Выход из конфликта — в изменении права (как искусственной конструкции), в приспособлении его к человеку, в создании ситуации, когда интересы человека первенствуют перед интересами государства, которое служит только средством, инструментом, обеспечивающим максимум возможностей для самореализации человека.

С этой точки зрения, из двух тенденций развития права — его расширения или локализации — по-видимому, вторая в большей мере связана с интересами человека.

§3. Основные базисные категории нравственности и морали

Рассмотрим иерархию базисных категорий нравственности и морали, определяющих жизнь человека: 1 — свободу; 2 — добро; 3 — долг; 4 — необходимость.

1. *Свобода* есть высшая форма духовности в человеке. Абсолютно свободным человек может быть лишь в сфере духа, в сфере творения себя в мире и мира в себе.

В этом понимании свободы человеку не требуется этическое оформление. Свобода ради свободы — это сокровенная внутренняя ценность.

Если в моральном сознании господствует императив свободы, то все подчиняется ей: добро, долг, необходимость.

В пределах внутренней духовной свободы человек осуществляет любое доброе дело без всяких расчетов на взаимность, не навязывая никому, а выполняя его в той мере, в какой его поведение способствует другому человеку обрести свободу. Так, например, в Приполярье аборигены, уходя на длительное время в тундру, оставляли в своем доме все, что потребуется для жизни любому другому, нашедшему в нем временный приют. У них и в мыслях не было, что подобное поведение должно быть восполнено эквивалентно другими. Ведь так же безадресно поступали и другие, ощущая свою сопричастность с миром.

Долг ради свободы есть внутренняя обязанность человека перед самим собой. Здесь нет никакого внешнего контроля, никаких внешних санкций.

Долг по отношению к обществу этот человек будет выполнять лишь тогда, когда общество будет оплотом, защитой его духовной свободы, если общество гарантирует ему личные свободы. Если же общество тоталитарно и порабощает человеческую индивидуальность, свободный человек не только дистанцируется от него, но и делает все для его уничтожения.

Формой необходимости в моральном бытии человека выступает *знание*. С позиции свободы как главного императива знание выполняет лишь инструментальную роль, оно подчинено свободе, оно — для свободы. Более того, знание мира и знание себя сливаются, это одно целое. Человек не отделяет себя от объекта познания: он в нем видит себя, а в себе его. Это знание ради свободы, а не знание ради знания.

Когда знание чуждо человеку, он попадает в зависимость от него, он начинает не доверять своим способностям, насилует себя, чтобы не подвергаться репрессиям извне. Знание становится целью: знание ради знания¹.

Свобода в широком смысле слова, с точки зрения антропологического подхода, *не является категорией морали*. Она — выше морали, ибо характеризует человека как косми-

¹ См.: Федоров Ю.М. Сумма антропологии: В 2 кн. Кн. 1. Новосибирск: Наука, 1995. С. 211.

ческое существо, в других интерпретациях — как божественное. Свобода ему дана изначально, он ее не выбирает, а только может использовать ее для жизни духа, или не суметь ее “взять”, “не заметить”, “бежать от нее”.

2. *Добро* — это ценность культуры, способ общения людей в условиях человеческого рода. В культурных ценностях актуализируется и воспроизводится нравственный потенциал человека. Это основная категория нравственного.

Но добро не однозначно. Если оно посягает на более высокое — свободу, то оно таит в себе зло.

Там, где добро становится самодовлеющим, оно перерастает в гипердобро, оно уничтожает свободу, уничтожает творчество. В этом смысле культура может подавлять человека, его творческое саморазвитие.

Как только *добрый* человек водружается на пьедестал, он сразу же “из добрых побуждений” уничтожает в себе самом *свободного* человека...

Человек, который полностью растворяется в культуре и не видит вокруг себя ничего живого, а лишь одни ее искусственные артефакты, постепенно вытесняет из себя творца¹.

Добро, “увлекаясь самим собой”, пытается подчинить себе свободу. В этом случае оно превращается в форму идеологии, насилия над человеком, переходит в его самонасилие. Н.А.-Бердяев писал: “Рабство добра есть зло, и свобода зла может быть большим добром, чем добро принудительное”².

В этом смысле, свобода всегда лежит по ту сторону добра и зла. Об этом писал Ф.Ницше. Само добро и зло имеют высший критерий — свободу.

Для нас очень важно подчеркнуть мысль о том, что нравственные ценности обнаруживаются в мире множества культур, поэтому у добра много ликов. Оно могло бы раствориться, если бы у него не было высшего критерия — свободы.

Поскольку культура связана с общением, то уместно говорить о *культурных нормах* межсубъектного контакта. Этот контакт предполагает взаимное уважение свободы друг друга, внутреннюю культуру общающихся субъектов, которая всегда подскажет, как им поступать в той или иной ситуации.

¹ Федоров Ю.М. Сумма антропологии. Кн. 1. С. 214-215.

² Русские философы. М., 1993. С. 67.

Особенность культурных норм в том, что они всегда *внутри человека*. “Истинная культура может быть только внутренней. Культура живет лишь в живом общении и умирает в акте безличной социальной деятельности”¹.

3. *Долг* — социальный категорический императив.

Принцип “долг ради долга” в качестве категорического императива наиболее четко сформулирован И.Кантом. Нормы должностования призваны у Канта примирить человека с враждебным, чуждым ему миром. Понятие долга стало у Канта главной категорией морали: именно чувство долга определяет нравственное поведение человека.

Понимание долга как регулятора поведения сближает его с правовой нормой. Не случайно Н.А.Бердяев назвал эту кантовскую форму морали “*законнической этикой*”, противостоящей этике духовной. То есть, как предполагает право, выполнение нормативного требования как бы снимает все проблемы внутреннего отношения к этим нормам.

Объективное востребование долга возрастает по мере развития цивилизации. Долг вытесняет императивы добра и свободы, ибо человек все более утрачивает свою индивидуальную самостоятельность и независимость и все более становится частью, элементом социальной системы (социальной машины). В этой форме его существования важнее всего соответствовать социальным ожиданиям со стороны общества (или его части).

В ситуации гипердолжностования свобода ограничивается до таких пределов, за которыми люди превращаются в рабов внешних требований. Все тоталитарные режимы всегда силой закрепляют в моральном сознании парадигму долга.

Итак, на цивилизационной стадии нравственная норма культуры переходит во внешне-моральную норму цивилизации. Дальнейшее овнешнение нормы лишает ее окончательно нравственного содержания и превращает в бездушное, безличностное, нейтральное по отношению к человеку, правило, требование. Оно естественно переходит в правовую норму. При этом правовая норма оказывается с полностью выхоленным духовным наполнением.

¹ Федоров Ю.М. Сумма антропологии. Кн. 1. С. 213.

Но какой же должно быть правовой норме? В поиске ответа на этот вопрос уже специалист (а не независимый и правственный субъект) обращается к сфере чистого знания, науке, результаты которой отчуждены от посетителя, оторваны от авторского духовного наполнения, просеяны и отлиты в сухие формулы.

Такие нормы рассматривают человека как объект, которым можно манипулировать, опираясь на “опыт науки”. При этом и сама наука становится мифом, более того — ложным мифом. Истина, обособившаяся от добра, начинает противостоять правде о человеке как абсолютная ложь. Как только наука начинает брать на себя функцию меры добра и зла, гибнет культура, а вместе с ней вырождается и целостный субъект¹.

4. *Необходимость* — является самым жестоким императивом, подчиняющим себе физического, телесно-рационального субъекта. Ее требования самые категоричные. Это требования законов, которые господствуют объективно в мире.

Постигается необходимость через знание. Современное научное знание имеет тенденцию захлестнуть такие ценности, как культура и свобода. Абсолютизация его роли порождает ситуацию, когда человек не только духовно, но и физически гибнет из-за разлада между знаниями и отношением к этим знаниям, то есть тем, как они используются. И здесь оказывается, что знание — это еще не все знание, и даже вообще не знание, если оно не включает нравственную составляющую.

На полюсе “необходимости” приведенного выше континуума категорий (свобода-добро-долг-необходимость) превалирует “знание”, которое подчиняет себе культурные и социальные нормы, подчиняет нравственное начало. Таким образом, человеческое (нравственное) “Я” все более и более выхолащивается, и знание становится бесчеловечным, надчеловечным, внечеловечным, не нуждающимся в человеке вовсе. Это относится и к той сфере знания (нормативистике), которая преследует цель управления индивидом, манипулирования им. На этой четвертой ступени данной цепочки этика становится ненужной. Ее заменяют технологические правила, нормативы, инструкции, указания, нормы права. При этом и

¹ Федоров Ю.М. Сумма антропологии. Кн. 1. С. 218-219.

человек превращается в агрегат, подобный автоматическому механизму. Его духовная жизнь атрофируется, приспособляясь к рамкам жесткого алгоритма поведения. Н.А.Бердяев писал: "Необходимость есть падшая свобода, свобода вражды и распада, свобода хаоса и анархии"¹.

Но поскольку человек все-таки живое существо, наделенное природой чувствами, его чувства и неясные мысли, загнанные глубоко в сферу подсознательного, время от времени прорываются в немотивированные поступки, преступления, не поддающиеся объяснению с точки зрения разума. Последствия такого поведения в массовых масштабах — катастрофичны. Но такова плата за изгнание культуры, нравственности, за посягательство на внутреннюю автономию и свободу.

Итак, мы можем заключить, что в настоящее время в нашем сознании и в науке об обществе, о праве осуществляется переход от объектоцентристской картины мира к субъектоцентристской.

Традиционная гносеологическая этика:

1. Объектоцентрична: человек — объект.
2. Гносеологична: сфера сознания и познания.
3. Нравственность и мораль существуют и формируются вне человеческого бытия. Задача человека: познай себя.
4. Подводит человека к социальной покорности.
5. Защищает социальные институты от человека.
6. Праксеологична: освящает любые формы насилия над человеком; особенно прикладная этика.

Современная антропологическая этика:

1. Субъектоцентрична: человек — субъект.
2. Онтологична: сфера бытия.
3. Нравственные ценности производны от свободы человеческого духа, творимы им. Задача человека: сотвори себя сам.
4. Обращается к истокам человеческой свободы.
5. Защищает человека, его интересы от социальных институций.
6. Дистанцирование от всякого насилия.

В традиционном смысле право, отражая в период цивилизационного развития (Римское право) установившиеся мо-

¹ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 37.

ральные нормы, кумулировало репрессивную функцию по отношению к человеку. То есть, на смену праву в широком смысле слова, заключающемуся в обычаях, традициях, религии, естественном праве, пришло понимание права в узком, специфическом значении как позитивного права, как юридического закона.

Теперь осуществляется поворот к новому пониманию права — права в гуманитарном смысле. Формула “права человека” отразила именно эту тенденцию. Здесь вновь человек становится приоритетом с его правами: природным, естественным (право на жизнь), социально-психологическим (право на открытое общение и контакты), экономическим (право на труд, на помощь), культурным (на творчество, на образование), политическим (на самоуправление и на безопасность).

§4. Профессиональная этика

Праксиологические основания анализа морали разнообразны. Но их объединяет то, что здесь анализируется живое функционирование морали, говоря социологическим языком. В этой плоскости можно рассматривать мораль во взаимосвязи с любыми областями и направлениями человеческой деятельности (мораль и наука; мораль и политика; нравственные основы семьи, профессиональной деятельности).

Сегодня принято говорить о профессиональной этике врача, педагога, журналиста, существуют этические кодексы в бизнесе, у военных, в сфере торговли, существуют международные этические кодексы для работников музеев, общества Красного креста и в рамках других международных профессиональных объединений. В силу углубляющейся профессионализации труда перед специалистами различных направлений все чаще возникают нравственные коллизии, решить которые, опираясь только на профессиональные знания, невозможно. Профессиональное “увлечение”, лишенное нравственных критериев и ценностей, может быть опасным для окружающих, а в более широких масштабах — для социума в целом. Поэтому проблемы профессиональной этики — отнюдь не лишний довесок к профессиональному образованию.

В этом смысле юридическая этика может быть понята как профессиональная этика, которая является практическим выражением и воплощением этики права у профессионала.

Необходимо отличать эти два понятия. В чем разница между ними?

Правовая этика подразумевает определенные морально-правовые ценности и нормы, исповедуемые любым правоспособным гражданином. Поскольку все мы находимся, независимо даже от своего желания, в определенном правовом поле, попадаем в это поле фактом своего рождения, становимся субъектом прав, то каждому присущ определенный характер восприятия реального права, оценка его. Исследователь развития правовой культуры А.П.Семитко так определяет субъект права: "Это человек в его юридическом качестве носителя субъективных юридических прав и обязанностей и участника правовых отношений, то есть субъект, обладающий способностью иметь права и обязанности, реально имеющий и своими собственными действиями осуществляющий эти права и обязанности"¹.

Этика права у субъекта права — вещь произвольная. Она предполагает своеобразную нравственную реакцию на внешнее, государством закрепленное право, законы. Проявляется эта реакция в индивидуальной позиции человека, в его общении, в поведении по отношению к гражданским и политическим институтам. Итак, *субъектом правовой этики* является каждый правоспособный гражданин. Он и творит право, и демонстрирует свое нравственное отношение к сложившимся правовым нормам.

Субъектом юридической этики является специалист, непосредственно реализующий в профессиональной практике свое отношение к законотворческой и правоприменительной институциональной деятельности. Закон по-разному может быть использован: это относится не к закону, а к юристу, который по-своему его толкует и применяет.

У субъекта *правовой этики* на первое место выходит ценностное отношение к праву; его роль в нормативном правовом творчестве минимальна и очень опосредованна.

У субъекта *юридической этики* ценностное отношение уходит в тень, а на первом месте оказывается знание нормативных документов и умение их практически применить, то есть зна-

¹ Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996. С. 281.

ние “буквы закона”. При этом у специалиста-юриста знание может не состыковываться с внутренней нравственной оценкой нормы закона. В этом случае возникает внутриличностный конфликт между человеческой позицией (гражданской) и позицией специалиста.

Поскольку сфера профессиональной деятельности юриста очень широка (генеральный прокурор, следователь, юрисконсульт, депутат думы, мэр города, руководитель трудового коллектива, таможенник, нотариус и т.д.), то нравственно-правовая позиция и должностная юридическая находятся в постоянном взаимовлиянии, принуждая постоянно совершать трудный нравственный выбор.

Сделаем попытку определения предмета *юридической этики*: отношение специалиста, профессионала к смыслу и ценностям права, законодательных норм, правил и *реализация* этого отношения в профессиональной деятельности. Данное определение юридической этики выполняет так называемую операциональную функцию, то есть с его помощью можно попытаться проанализировать и понять как позицию отдельного человека, исполняющего свои профессиональные обязанности, так и содержание отдельных документов, юридических решений, которые отражают нравственную позицию разработчиков, законодателей.

Инструментальный характер этого определения состоит в том, что оно может быть ключом к нравственно-этической экспертизе принимаемых юридических документов.

Вместе с тем, всякое определение неполно, искаженно, условно. Оно рождает массу новых вопросов, необходимость дополнительных определений и уточнений.

Юридическая этика — меняющееся знание. Его изменение определяется прежде всего изменением самого человека, его взглядов, а также особенностями и предметом юридической профессии, которая, в свою очередь, тоже имеет тенденцию к расширению, эскалации в иные виды профессиональной деятельности в качестве встроенной в них структуры (например, юрисконсульт в коммерческой фирме). Изменение юридической этики стимулируется и внешними по отношению к данной профессии обстоятельствами: уровнем цивилизованности социума, содержанием общественного сознания, степенью развитости социальной инфраструктуры.

Есть и еще одно обстоятельство, играющее роль в развитии юридической этики — это внутренняя логика самого этического знания, нравственной рефлексии индивида, его окружения.

Предметом нашего дальнейшего теоретического анализа будет этика права.

Юридическая этика представлена в Приложении как практический опыт, рекомендации, практикумы.